

Т. М. Любимова

МЕДИА-ЯЗЫК ВОЙНЫ В ЛИВИИ: ЯЗЫКОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, МОДНЫЕ ВО ФРАНЦИИ В ЭТОМ ВОЕННОМ СЕЗОНЕ

Аннотация. В статье анализируется текст резолюции 1973(2011) СБ ООН с точки зрения соответствия его классическим образцам юридической риторики, единства этоса, пафоса и логоса, взаимодействия явных и скрытых смыслов, а также рассматриваются языковые технологии (на примере французского языка), запущенные многими средствами массовой информации Франции с целью примирения общественного мнения с войной в Ливии.

Ключевые слова: политология, манипулирование, масс-медиа, этос, пафос, логос, аргументация, социологический опрос, политический эвфемизм, бесполетная зона.

В 1951 году своеобразный и изысканный французский писатель Ж. Грак написал роман «Побережье Сирта», который сегодня можно назвать романом-пророчеством. В основе сюжета – столкновение двух вымышленных государств, Орсены и Фаргестана, разделенных мертвым морем, которые уже три столетия находятся в состоянии незримой войны. Символическая Орсена расположена где-то на побережье заливов, когда-то называвшихся Большим и Малым Сиртом, у берегов реальной Ливии. «Противостоящий Орсене Фаргестан мог бы быть некоей созданной воображением писателя арабской страной, в истории которой были, оказывается, многочисленные нашествия» [1]. В этом противостоянии государств просматривается столкновение двух цивилизаций, западной и восточной: не случайно именно в годы работы над «Побережьем Сирта» Ж. Грак внимательно читает труд О. Шпенглера «Закат Европы».

Ровно 60 лет спустя шпенглеровская идея о неизбежности упадка и гибели вырождающихся цивилизаций, художественно воплощенная Ж. Граком, обретает новые сложные очертания в глобальной политике современности: нарастание гражданской войны в одной из восточных стран, на побережье Сирта, карается направленной против нее военной операцией западного мира. В отличие от предшествующих карательных операций – несанкционированных натовских бомбардировок суверенного государства в центре Европы (Югославия, 1999) или авиаударов с целью уничтожения фантомного оружия массового поражения и не менее призрачного следа Аль-Каиды (Ирак,

2003), война против Ливии впервые открыла реальный смысл происходящего “зашоренному” общественному сознанию, приблизив его к пониманию того, что истинной целью военной кампании, ее метастратегией был не Каддафи, а углеводород. Западные страны, в большинстве которых уровень сверхценных природных ресурсов на душу населения крайне низок, решили воспользоваться уникальной возможностью, которую предоставляла гражданская война в Ливии, чтобы поддержать свою экономику. Как известно, запасы нефти в Ливии составляют свыше 36 млрд баррелей, так что при цене на нефть на момент начала гражданской войны в 103,15 USD/баррель, общая стоимость всех разведанных нефтяных запасов Ливии составляет около 3,8 трлн долларов; запасы газа в Ливии составляют 1,2 трлн куб. м., так что при цене на газ в 306 USD/1000 куб.м., общая стоимость всех разведанных запасов газа в Ливии составляет около 370 млрд долларов [2].

На этот раз в современном глобальном мире, для которого характерен однонаправленный поток информации (с Запада на Восток), твердо прозвучал голос восточных стран, обнародовавший именно эти латентные процессы мировой экономики и связанные с ними тайные интенции манипуляторов. Так, «Гардиан» передает официальную иранскую реакцию: режим Махмуда Ахмадинежада указывает на то, что западные удары являются неокOLONIALИСТСКОЙ попыткой захвата ливийской нефти. Иран, который поддерживал повстанцев с начала событий, заявляет, что ливийцы не должны доверять странам, которые в настоящий момент

устраивают интервенцию. «Эти страны используют часто привлекательные лозунги, говорящие о поддержке народа, но на самом деле преследуют свои собственные интересы. Они хотят управлять этими странами и продолжать колонизацию», - заявил, по сообщению местного агентства ISNA, Рамин Мехманпараст, пресс-секретарь министерства иностранных дел» [3]. Аналогична ближневосточной и реакция президента Венесуэлы Уго Чавеса, который раскритиковал операцию международных сил, сказав, что за ней «стоят США и их европейские союзники»: «Империю янки нет дела до ливийского народа, они продолжают бомбардировать народы Ирака и Афганистана, их вообще не интересуют ничьи жизни, их интересует нефть» [4].

Как известно военные действия против режима Каддафи в Ливии начались после принятия Советом Безопасности ООН, в ночь на 18 марта 2011 года, резолюции 1973, установившей над Ливией бесполетную зону и разрешившей применение любых средств для защиты мирного населения, за исключением оккупации ливийской территории. Россия поддержалась при голосовании в Совете Безопасности, и ее политическое руководство подвергло резолюцию критике. Осудила бомбардировки Ливии и Лига арабских государств, хотя сначала, на парижском саммите, ЛАГ высказалась за применение силы против режима Каддафи. «То, что произошло в Ливии, отличается от намеченной цели – введения бесполетной зоны; то, что мы хотим, - это защита мирных жителей, а не бомбардировка других мирных жителей» [5], - пояснил генеральный секретарь ЛАГ Амр Муса. Критикуют военные действия против Ливии и отдельные западные неконформисты. Как определил французский журналист Л. Виноградофф, эти критические высказывания фокусируются по четырем направлениям: (1) военная операция не была достаточно подготовлена («она рискованна и опасна»; «последствия могут быть непредсказуемы»); (2) военное вмешательство не предусмотрено резолюцией 1973 (расплывчатый характер резолюции в отношении применения силы международным сообществом вызвал некоторое замешательство даже в самой коалиции); (3) коалиция действует плохими средствами (как утверждает бывший президент «Врачей без границ» Р. Брауман, лекарство, которое сочли возможным дать, оказалось хуже самого недуга); (4) на месте Ливии могут оказаться многие другие страны (Сирия, Йемен, Алжир, Судан и др.) [6].

Рассмотрим вызвавший споры и противоречия текст резолюции 1973 ООН:

«<...> 6. постановляет ввести запрет на все полеты в воздушном пространстве Ливийской Арабской Джамахирии, чтобы помочь защитить гражданское население;

7. постановляет далее, что запрет, введенный пунктом 6, не распространяется на полеты, выполняемые исключительно в гуманитарных целях, такие как доставка или содействие в доставке помощи, в том числе медикаментов, продовольствия, гуманитарного персонала и связанной с ними помощи, или эвакуация иностранных граждан из Ливийской Арабской Джамахирии, и не распространяется на полеты, санкционированные на основании пункта 4 или 8 ниже, а также на другие полеты, которые будут сочтены необходимыми для блага ливийского народа государствами, действующими в рамках полномочий, предоставленных в пункте 8, и что эти полеты должны быть согласованы с любым механизмом, созданным в соответствии с пунктом 8».

Пресловутые пункт 4 и 8 даны в следующей формулировке:

«4. уполномочивает государства-члены, которые уведомили Генерального секретаря, действуя самостоятельно или через региональные организации или соглашения и действуя в сотрудничестве с Генеральным секретарем, принимать все необходимые меры, несмотря на положения пункта 9 резолюции 1970 (2011), для защиты гражданского населения и мест его проживания, находящихся под угрозой нападения, в Ливийской Арабской Джамахирии, включая Бенгази, но исключая при этом возможность пребывания иностранных оккупационных сил в любой форме на любой части ливийской территории, и просит соответствующие государства-члены немедленно информировать Генерального секретаря о мерах, принимаемых ими в соответствии с полномочиями, предоставленными настоящим пунктом, что должно немедленно докладываться Совету Безопасности»

«8. уполномочивает государства-члены, которые уведомили Генерального секретаря и Генерального секретаря Лиги арабских государств, действуя самостоятельно или через региональные организации или соглашения, принимать все необходимые меры для обеспечения соблюдения запрета на полеты, введенного пунктом 6 выше, когда это необходимо, и просит соответствующие государства в сотрудни-

честве с Лигой арабских государств тесно координировать с Генеральным секретарем меры, которые они принимают для осуществления этого запрета, включая создание соответствующего механизма выполнения положений пунктов 6 и 7 выше» [7].

Как выясняется, этот юридический дискурс строится на нарушении аристотелевских законов речи и отказе от некоторых правил классической риторики.

Во-первых, любой вид речи, любой текст основывается на единстве этоса, логоса и пафоса¹ как основных начал риторики, восходящих еще к античной, аристотелевской традиции. В тексте резолюции есть явное несоответствие между этосом, по сути выражающим прагматические ценности и интересы западных сверхдержав, и пафосом, который представляется как бескорыстный и направленный исключительно на защиту гражданского населения Ливии; а также между этим пафосом спасения мирного населения любой ценой и логосом, который с помощью абстрактных и семантически размытых слов санкционирует как раз уничтожение мирного населения.

Во-вторых, в тексте допущена типичная ошибка аргументации, принятой в риторике: это абстрактность, являющаяся следствием недостаточной определенности по причине предполагаемой самоочевидности, которая позволяет трактовать тезис как угодно и ведет к его подмене. В рассматриваемой формулировке абстрактность доведена до предела: НАТО становится региональной организацией; очевидно, по принципу атлантической территориальной принадлежности, а ООН делегирует этому альянсу свои полномочия, саморастворяясь в нем и самоустраиваясь. Но ошибка допущена не случайно, в ней просматриваются реалии и контуры американского проекта глобализации, а это значит, что допущена уже не ошибка, а уловка аргументации, легитимизирующая событие цивилизационного уровня – перекраивание по экспансионистским меркам самодостаточного арабского мира.

В-третьих, ошибкой, или уловкой аргументации является также потеря смысла, возникающая из-за усложняющего понимание построения предложе-

ний. Двойное отрицание всегда требует интеллектуальных усилий для понимания, даже на уровне бытовой речи: «Вы не можете недооценить...» (или французское «Vous n'êtes pas sans ignorer...»). В тексте резолюции, с одной стороны, запрещаются полеты над Ливией (бесполетная зона), а с другой стороны, запрещается запрещать эти полеты тем, кто действует с гуманитарной целью и на основании региональных договоренностей. Потеря смысла такого масштаба ведет к парадоксальности: бесполетная зона становится «полетной», то есть бесполетное для военной авиации небо Ливии, априори защищенное международным принципом национального суверенитета, становится «полетным» для бомбардировщиков НАТО. Словосочетание «беспилотная зона» становится политическим эвфемизмом, вырастающим до уровня парадокса, в духе парадокса Гегеля («История учит человека тому, что человек ничему не учится из истории») или парадокса Петрония («Ограничивайте себя во всех вещах, даже в ограничении»). Парадокс, сформулированный авторами резолюции, которые в буквальном смысле слова начали за здоровье и кончили за упокой, цементируется известными в лингвопрагматике перформативами («ввести запрет», «уполномочивает» «будут сочтены необходимыми» и т.д.), то есть словами, равносильными реализации действия, употребление которых обычно становится весомым фактором при решении политических проблем и международных конфликтов.

Таким образом, нарушение правил аристотелевской аргументации ведет даже не к современному «неаристотелевскому театру» (например, инсценировке Б. Брехта на Таганке), а к театру абсурда (например, пьесе Э. Ионеско «Урок», в которой репетитор, преисполненный благородного порыва преподать своей курсистке сразу все предметы, в конце урока убивает ее ножом для разрезания страниц, так как она не может усвоить элементарных правил). Резолюция 1973 ООН направлена на защиту мирного населения Ливии всеми гуманитарными способам, а итогом ее становится, по данным ливийских властей, как минимум 85 погибших (из них 33 ребенка, 32 женщины, 20 мужчин) в результате авиаударов НАТО по комплексу ферм и деревне Маджар [8].

После того, как сработал этот международный юридический механизм на уровне ООН, западным сверхдержавам предстояло в кратчайшие сроки запустить канал т.н. третьей информации,

¹ «В древней риторике использовались понятия: этос – нравственное начало; логос – мысль, заключенная в речи; пафос – чувство, воодушевление, вложенное в речь» (М.Р. Львов)». – Филология в задачах// www.philologia.ru/taska/task_etos.htm

моделирующей сознание, которая сосуществует в социодинамике с информацией первого потока (достоверной государственной) и вторым потоком информации (сорной, развлекательной) [9]. Причем, «еще с давних времен на Западе разрабатывается теория, которую предельно точно выразил Лорд Бивербрук. Он сформулировал этот закон так: информация, или пропаганда, должна идти впереди политики, то есть первоначально идет пропаганда, сначала надо распахать почву, подготовить людей для тех или иных акций, а потом уже засеять это поле своими семенами. Пусть даже этими семенами будут бомбы и ракеты, самое главное, чтобы люди были подготовлены к тому, чтобы воспринять это» [10]. На этом этапе к манипулированию общественным мнением подключаются политики и социологи, «эдитократы» и журналисты, университеты и интеллектуалы, сгруппированные вокруг центров власти. Этот механизм «западнизма» глубоко изучил за долгие годы жизни на Западе философ А.А. Зиновьев: «Формально не существует единый центр управления медиа. Но фактически он функционирует так, как будто получает инструкции из некоего руководящего центра наподобие ЦК КПСС. Тут есть своя невидимая рука. Она почти совсем не изучена. Данные о ней редко попадают в печать. Ее образует сравнительно небольшое число лиц, которые санкционируют рекомендации, выработанные более широким кругом политиков, бизнесменов, журналистов, советников и т.д., и подают сигнал к согласованной деятельности медиа по определенным проблемам» [11]. Работа этого механизма проходит как функциональная самоорганизация, а не как административно-командное мероприятие, поэтому он скрыт от аудитории, хотя полностью утаить его невозможно.

17 марта 2011 года перед французской командой лидеров мнения встала непростая задача – оправдать и банализировать в общественном сознании военную агрессию – агрессию, в которой галльский петух воинственно прокукарекал первым (даже раньше американского). У газетчиков есть в подобных случаях свой испытанный арсенал – это и данные социологических опросов, и экспертное мнение, и многочисленные вербальные приемы воздействия, в том числе суггестивные.

В частности, потенциал манипулирования общественным мнением, заложенный в социологических опросах, продемонстрирован в книге французского автора М. Брюле «Империя опросов. Прозрачность

или манипуляция?» [12] на примере американской военной кампании против Ливии, относящейся еще к 80-м гг. XX века. Опрос, проведенный Л. Харрисом и опубликованный в «Ла Ви», свидетельствует о том, что 31 процент французов поддерживает бомбардировки Ливии, 43 процента осуждают. Вопрос был сформулирован так: «Вам известно, что американская авиация бомбила ливийские города Триполи и Бенгази. Лично вы одобряете или осуждаете эту акцию?». Опрос, опубликованный в «Экспресс» обнаруживает совсем другие данные: 51 процент французов одобряет бомбардировки, 35 процентов их не одобряет. Вопрос был сформулирован иначе: «Одобряете вы или нет американские военные действия против Каддафи?» Ясно, что в первом случае семантический центр вопроса был смещен в сторону авиаударов по мирному населению, а во втором – в направлении подавления диктатора, хотя фактически оценивались одни и те же действия. К тому же, в первой анкете «да» опрошенных частично было результатом «контрабандного» воздействия на сознание: участники опроса неосознанно соглашались также и с утверждением о том, что они знают о бомбардировках.

В военной кампании 2011 года французским газетчикам важно было прежде всего сгладить первенство Франции в нанесении авиаударов по Ливии, занизить этот информационный повод, непопулярный в общественном мнении, создать «сладкий контекст» для жесткого по отношению к арабскому миру внешнеполитического курса Франции.

Нетрадиционная жесткость внешнеполитического курса Франции, проявившаяся, в частности, в поспешной инициативе ливийских бомбардировок, может быть связана с политической фигурой президента Н. Саркози. Как утверждает французский историк П.-Э. Бланрю в книге «Саркози, Израиль и евреи» (написанной в переключке с книгой либерального философа Р. Арона «Де Голль, Израиль и евреи» (1968) и после многочисленных отказов французских издателей опубликованной в Бельгии издательством «Oser dire», в переводе «Осмелиться сказать»), в 2007 году с приходом к власти Н. Саркози Франция отказывается от привычной для нее роли модератора на Ближнем Востоке, объективного арбитра, стремящегося сбалансировать палестино-израильские конфликты. О традиционной политике Франции автор напоминает в небольшой ретроспективе. В отличие от руководителей IV Республики, по сути давших Израилю атомную бомбу, Ш. де Голль в 50-60-гг.

дистанцировался от Израиля. Внешнеполитической линии де Голля придерживались в дальнейшем все президенты V Республики, кроме Н. Саркози, хотя он и называл себя голлистом и долго возглавлял голлистскую партию Франции (RPR – Объединение в поддержку республики). Автор «раскрывает, почему французский президент вступил на путь, направленный против интересов своей страны и тающий риск вовлечь в скором времени Францию в конфликты большого размаха – в Ливане, Иране и др.» [13]. Он выявляет поочередно произраильские и сионистские сети, на которые опирается эта новая стратегия Саркози: CRIF (Conseil représentatif des institutions juives en France – Представительский совет еврейских организаций Франции); FSF (Fédération sioniste de France – Французская сионистская федерация); AUJF (Appel unifié juif de France – Французский объединенный еврейский призыв); FSJU (Fonds social juif unifié – Объединенный социальный еврейский фонд); UEJF (Union des étudiants juifs de France – Союз французских еврейских студентов); ULIF (Union libérale israélite de France – Французский либеральный израильский союз); ADELMAD (Association des élus locaux et maires amis d’Israël – Ассоциация депутатов местного самоуправления и мэров, друзей Израиля); UJFO (Union juive française pour la paix – Французский еврейский союз за мир); AJC (American Jewish Committee); AIPAC (American Israel Public Affairs Committee) и др. По мнению П.-Э. Бланрю, президент Саркози воплощает в жизнь перевернутый образ внешней политики создателя V Республики (де Голля), и для него любая критика Израиля становится антисемитизмом и подпадает под табу [14].

К каким же способам “форсированного проникновения в сознание” [15] прибегают французские журналисты, чтобы скрыть от читателя это глобальное изменение мироустройства и, в частности, французской политики?

Во-первых, используются приемы умолчания и полуправды в редуцированном виде (поскольку в современном мире глобальных коммуникаций полностью утаить общезначимую информацию крайне сложно), причем, в роли ограничителя объективной информации выступает фактор времени. Франция в медийной интерпретации газеты «Монд» молча прячется за спиной американского “старшего брата”. Сопоставим факты освещения событий начала войны разными новостными агентствами и службами.

По сообщению РИА новости, операция французских ВВС началась в субботу 19 марта в первой половине дня - около 11 часов (13 мск) в воздух с базы в Сен-Дизье во Франции поднялись первые истребители “Рафаль”, которые направились в Ливию. На первом этапе в операции принимают участие 12 истребителей: четыре “Рафалья” с миссией перехвата, два “Рафалья” с патрульной миссией, два “Рафалья” с миссией нанесения ударов и четыре “Миража-2000” с целью перехвата и нанесения ударов. В 17.45 (19.45 мск) ВВС Франции нанесли первый удар по ливийской военной технике. Одновременно госсекретарь США Х. Клинтон сообщила, что Соединенные Штаты пока не участвуют в военной операции западных стран в Ливии, однако окажут своим союзникам необходимую военную помощь. “Французские самолеты уже в воздухе над Ливией. Нет сомнений, что мы приведем резолюцию в действие”, - сказала Клинтон, по сообщению РИА. На фоне этих событий первая Интернет-страница ведущей французской газеты «Монд» вечером 19 марта представляет картину дня принципиально иначе: справа от фотографии с изображением ночного неба над городом, на самом броском месте текст: «Les Etats-Unis ont frappé samedi des sites anti-aériens libyens à l’aide de missiles de croisière Tomahawk pour faciliter la mise en oeuvre de la zone d’exclusion aérienne par les forces de la coalition. **Suivez la situation en direct**» [«В субботу Соединенные Штаты поразили ракетами Томагавк ливийские объекты ПВО, чтобы облегчить задачу создания бесполетной зоны для сил коалиции. **Следите в прямом репортаже**» - пер. с франц.]. Таким образом, у читателя «Монд» сложилось иллюзорное впечатление, что лидировали в военной агрессии, как обычно, США.

Во-вторых, создается особый медиа-язык войны, свод политических эвфемизмов, моделирующих сознание читателя в нужном направлении. Впервые масс-медийные приемы манипуляции сознанием увидены глазами самих французских интеллектуалов и представлены на сайте ACRIMED (Action-Critique-Médias – Критика СМИ), в частности, в статье журналиста Ж. Саленга [16].

Какие же эвфемизмы в моде во Франции в этом военном сезоне, по мысли Ж. Саленга? Первый из них - это “**La riposte**” (“**Ответный удар**”). Так обычно говорится о военных операциях, когда хотят подчеркнуть оборонительный характер войны. Но разве сверхдержавы и Запад подверглись нападению Кадаффи? Нет. Как предполагает журналист, этот

языковой прием может корениться в изображении подобных натовских войн как превентивных, предупреждающих, то есть таких, в которых атака является ответным ударом на воображаемый удар противника, ответным ударом в качестве предвидения.

“Les alliés” (“Союзники”). Медиа-освещение ливийской войны, которая в СМИ называется чаще не войной, а «Зарей Одиссея», опирается на исторические параллели, на ассоциации со второй мировой войной, с союзниками по блоку, противостоящему фашизму. Как заявляет журналист, при таком изобилии упоминаний о “союзниках”, как во времена второй мировой войны, ничто нам не гарантирует, что Кадаффи не будет изображен завтра как новый Гитлер, и тогда вооруженная мобилизация “международного сообщества” не может быть поставлена под сомнение.

“La communauté internationale” (“Международное сообщество”) – эта эвфемистическая замена используется для обозначения всех стран, входящих в Совет Безопасности ООН – как проголосовавших за резолюцию 1973, так и воздержавшихся. Как иронизирует журналист, «ряд второстепенных стран, периферийных и мало влиятельных, не проголосовали за резолюцию ООН – это Россия, Китай, Индия, Бразилия, Германия...». Оказывается, позиция стран, представляющих более половины человечества, мало интересует французских газетчиков.

“Les frappes” (“Удары”) – этот эвфемизм заменяет слово “бомбардировка”. Номинация “frappes” широко употребительна, ибо она не имеет таких отрицательных коннотаций, как слово “бомбардировка”. В самом деле, “союзники” не бомбят, они наносят “удары”. «Они наносят “удары” по Ливии так, как другие стучат в дверь, бьют по футбольному мячу или хлопают в ладоши» [17].

“Visés” (“Нацеленные”). Как показал американский лингвист Д. Болинджер в статье «Истина – это проблема лингвистическая», в целях скрытого воздействия на сознание бомбардировки становятся “защитной реакцией или воздушной поддержкой”, точечные бомбардировки – “хирургическими ударами”; концентрационные лагеря – “центрами умиротворения”; ядерная бомба – “усиленным радиационным оружием” [18]. Современный язык войны “хирургическим ударом” предпочитает “нацеленные”. Как утверждает журналист, “нацеленный удар” – это риторически искусный прием, с помощью которого пытаются, в сущности, умалить

жестокость бомбардировок и в случае ошибки попадания говорить о “побочном ущербе”.

“Dommages collatéraux” (“Побочный ущерб”) – так обозначаются жертвы ударов среди гражданского населения. Этот прием не нов: «Прием овеществления – один из самых ярких и эффективных способов воздействия на общественное сознание – строится, как и ряд других приемов, на экстралингвистически мотивированной позиционной замене» [19]. Но если в ходе военных кампаний против Сербии или Ирака о жертвах среди мирного населения говорилось обычно как о “мишени”, то в ливийской войне употребительнее “побочный ущерб”.

“Kadhafiste” (“Кадафист”) – “Кадафистский снайпер”, “кадафистская авиация”... Можно ли хоть на мгновение представить себе, задается вопросом Ж. Саленг, чтобы французские СМИ нам говорили о “саркозистских солдатах”, об “обамистской авиации”, о “кэмеронском флоте”? В прилагательном, образованном от имени собственного диктатора, французский журналист видит манипуляционный прием; для русскоязычного читателя подобное словоупотребление является скорее проявлением несколько уничижительной разговорности.

“Nos soldats” (“Наши солдаты”) – даже это невинное словосочетание журналист рассматривает как тенденциозный прием: полный сопереживания и патриотизма призыв к самоотожествлению с французскими солдатами: читатель становится лично причастным к наступательным действиям, виртуально в них участвует.

Добавим, что этот языковой прием хорошо известен со времен книги немецкого философа Г. Маркузе «Одномерный человек»: одномерный, манипулируемый человек преформируется современным обществом потребления через культивирование ложных потребностей разными языковыми способами, в том числе через “персонализированный язык” (“ваш/твой конгрессмен, ваше/твое шоссе”). «Обезличенные вещи преподносятся как будто “специально для вас/тебя”...» [20]. Это отсутствие дистанции, ложная фамильярность подкупают реципиента, побуждают некритически воспринять всю информацию.

«В конце XX века западная цивилизация захватила господствующие позиции на планете ... С точки зрения защиты национальных интересов России необходимо изучить и понять методы экспансии, которые применяются западным ми-

ром, помогая ему успешно бороться за мировое господство на протяжении двух тысяч лет» [21]. В современном межцивилизационном конфликте в месте взаимодействия России с ее евразийским пространством, природно-ресурсным богатством, так и не сформировавшейся моделью “государс-

тва-нации”, все еще не сложившимся гражданским обществом – явно не на западных рубежах. Поэтому нейтрализация информационной атаки Запада, сопровождавшейся масс-медийной кампанией оправдания войны в Ливии, должна быть своевременной и убедительной.

Библиография

1. Балахонов В.Е. «Я заклинаю вас не поддаваться сну»// Грак Ж. Побережье Сирта. Балкон в лесу. М.: Прогресс, 1991. С. 17.
2. Гражданская война в Ливии – ru.wikipedia.org/wiki/.
3. Le Monde. 2011. 19 марта.
4. РИА Новости. 2011. 19 марта.
5. Цит. по ст. : Vinogradoff L. L'intervention en Libye critiquée sur le fond et sur la forme // Le Monde. 2011. 25 марта.
6. Там же.
7. Резолюция СБ ООН 1973 (2011) по Ливии
8. Военный обозреватель. 2011. 10 августа.
9. Леонов Н.С. Роль информации в жизни человечества. <http://www.pravoslavie.ru/sretmon/uchil/leonov1.htm>
10. Там же.
11. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М.: Центрполиграф, 2000. С. 593.
12. Brulé M. L'Empire des sondages. Transparence ou manipulation. P.: R. Laffont, 1988. P. 69.
13. Blanrue P.-E. Sarkozy, Israël et les juifs. Embourg: Oser dire, 2009. P. 210.
14. Там же.
15. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М.: Мысль, 1980.
16. Salingue J. Lexique médiatique de la guerre de Libye// Acrimed. 2011. 28 mars. www.acrimed.org/auteur/975.html.
17. Там же.
18. Болинджер Д. Истина – проблема лингвистическая//Язык и моделирование социального взаимодействия/ Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. С. 23-44.
19. Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М.: Добросвет, 2009. С. 94.
20. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994. С. 120.
21. Прохвятилов В.В. Атака мыслящей паутины. Метапрограммирование – организационное оружие XXI века // Информационные войны. 2010. №1 (13). С. 73.

References (transliteration)

1. Balakhonov V.E. «Ya zaklinayu vas ne poddavatsya snu»// Grak Zh. Poberezh'e Sirta. Balkon v lesu. M.: Progress, 1991. S. 17.
2. Grazhdanskaya voyna v Livii – ru.wikipedia.org/wiki/.
3. Le Monde. 2011. 19 marta.
4. RIA Novosti. 2011. 19 marta.
5. Tsit. po st.: Vinogradoff L. L'intervention en Libye critiquée sur le fond et sur la forme // Le Monde. 2011. 25 marta.
6. Tam zhe.
7. Rezolyutsiya SB OON 1973 (2011) po Livii.
8. Voennyi obozrevatel'. 2011. 10 avgusta.

9. Leonov N.S. Rol' informatsii v zhizni chelovechestva. <http://www.pravoslavie.ru/sretmon/uchil/leonov1.htm>
10. Tam zhe.
11. Zinov'ev A.A. Na puti k sverkhobshchestvu. M.: Tsentrpoligraf, 2000. S. 593.
12. Brulé M. L'Empire des sondages. Transparence ou manipulation. P.: R. Laffont, 1988. R. 69.
13. Blanrue P.-E. Sarkozy, Israël et les juifs. Embourg: Oser dire, 2009. P. 210.
14. Tam zhe.
15. Shiller G. Manipulyatory soznaniem. M.: Mysl', 1980.
16. Salingue J. Lexique médiatique de la guerre de Libye// Acrimed. 2011. 28 mars. www.acrimed.org/auteur/975.html.
17. Tam zhe.
18. Bolindzher D. Istina – problema lingvisticheskaya//Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeystviya/ Blagoveshchensk: BGK im. I.A. Boduena de Kurtene, 1998. S. 23-44.
19. Danilova A.A. Manipulirovanie slovom v sredstvakh massovoy informatsii. M.: Dobrosvet, 2009. S. 94.
20. Markuze G. Odnomernyy chelovek. M.: REFL-book, 1994. S. 120.
21. Prokhvatilov V.V. Ataka myslyashchey pautiny. Metaprogrammirovaniye – organizatsionnoye oruzhie XXI veka // Informatsionnye voyny. 2010. №1 (13). S. 73